

**Маршал авиации,
дважды Герой Советского Союза,
президент фонда «Победа-1945 год»,
Кавалер Золотого Почетного знака
«Общественное признание»
Александр Николаевич ЕФИМОВ:**

«НАДО ЧЕСТНО ГОВОРИТЬ С НАРОДОМ»

– Александр Николаевич, Вы – фронтовой летчик. Воздушный ас. Дважды Герой Советского Союза. Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в авиацию?

– Как почти все мое поколение. Через аэроклуб.

– Который был в Вашем родном городе?

– Нет, я – деревенский мальчишка. Родился в 1923 году в селе Кантемировка Воронежской области. В 1940 году окончил школу в городе Миллерово Ростовской области и пошел учиться в аэроклуб в Ворошиловграде. Потом сразу же поступил в военно-авиационную школу. Там я начал летать на бомбардировщиках. И там меня застала война.

– А Вы помните, как она началась?

– Еще бы такое не помнить... В тот день, 22 июня 1941 года, ко мне в училище приехала моя мама – Лина Митрофановна и вместе с ней моя маленькая сестренка.

– А кем работала Ваша мама?

– Она была билетным кассиром. Всю жизнь – на транспорте.

– А папа? Почему он в тот день к Вам не приехал?

– Он к тому времени уже год, как умер. Отец, Николай Герасимович Ефимов, – инженер-железнодорожник. Служил начальником дистанции пути в городе Грязи. И в 1937 году его репрессировали. Сестренке еще не было года. После ареста мы все переехали к маминим родственникам в город Миллерово. Не могу передать, как нам было тяжело. Даже не материально, а морально. Ведь меня тогда, как сына врага народа, отказывались даже принимать в школу. Потом, в 1939 году, отец вернулся. Он был сильно истощен, болен и вскоре умер. Но у нас осталась справка об его реабилитации. И это очень помогло мне в жизни. Меня и в школу взяли, и в аэроклуб...

– А Вы не помните, как проходила Ваша последняя перед войной встреча с близкими? Не было ли у Вас или

у них каких-то предчувствий, что должно начаться что-то страшное?

– У меня, нет. Я был молодой, веселый. Но мама... Когда мы с ней сидели, беседовали, она мне вдруг сказала: «Сынок, а если завтра война?». Я был очень удивлен этим вопросом. Разговор до этого у нас шел совсем на другую тему. Потом, как ни в чем не бывало, пошел своих провожать, посадил на трамвай, мы простились. А когда я вернулся в училище, там, на проходной, мне сказали: «Война!». Нас тут же собрали на митинг. Выступал комиссар школы. Мы все тогда были патриотами, все рвались на фронт. Но наш пыл сразу охладили: «Там нужны подготовленные летчики, вы обязаны продолжить обучение». А немец тем временем приближался к Ворошиловграду, и вся наша школа отправилась в Сталинград, а затем на Южный Урал – город Уральск.

– Как? На самолетах?

– До Сталинграда пешком. Шли мы по деревням, по станицам. Народ был ошеломлен, взбудоражен. Женщины плакали: «Ребятки, на кого вы нас оставляете?». Но делать было нечего... И вот, 6 ноября 1941 года мы пришли в Сталинград. И пробыли там три дня – 6, 7 и 8 ноября 1941 года.

– Отмечали праздник?

– Конечно. Праздник он всегда праздник. Потом мы сели на корабль и поплыли по Волге до Сызрани, а дальнейший путь до Уральска продолжили уже по железной дороге. Корабль, как сейчас помню, назывался «Одесса». Довольно большой, белый, с лопастями-колесами. И там мы буквально без перерыва начали летать. Сперва на самолетах СБ – это скоростной бомбардировщик. Для того времени очень хорошая машина. Закончили мы обучение по этой программе, думаем, скоро в бой, ан нет. Вдруг приходит приказ: «переучиваться на другую машину».

На вооружение Красной Армии как раз поступил ПЕ-2 – пикирующий бомбардировщик Петлякова. Пилотировать его было труднее, чем СБ, но мы справились. Тут опять новое распоряжение – «освоить ИЛ-2».

– Но как Вы все-таки оказались на фронте?

– В июле 1942 года сдали экзамены и отправились в 10-й запасной авиационный полк. Он стоял под Пензой. Там после нескольких полетов мы были переведены под Калугу. На Западный фронт.

– А за что Вы получили звание дважды Героя Советского Союза?

– Когда мы шли на запад, потери летного состава были довольно большие. Особенно у штурмовиков. И за каждые 30 вылетов представляли к званию Герой Советского Союза. Когда я совершил 30 вылетов, пришел новый приказ – давать Героя за 70 вылетов.

Отлетал 70 – новый приказ: звание Героя присваивать за 100 вылетов. И лишь 26 октября 1944 года, после того, как совершил, наконец, 100 вылетов я получил Золотую звезду Героя.

– Как так могло случиться, что Вы, плотно летая два года, ни разу не были сбиты фашистами?

– Да как не был сбит, сбивали. За время войны падал два раза.

– Каким образом?

– Вместе с самолетом, но оставался жив.

1945 год

Командир эскадрильи А.Н. Ефимов, его ведомый летчик М.Н. Бабкин с корреспондентом газеты «Крылья Советов». 1945 год

– Разве такое возможно?

– Конечно. Я сажал самолет в поле на фюзеляж с убранными шасси. Да и вообще у меня почти не было вылета, который обошелся бы без повреждений. Обязательно пробоины – осколочные, пулевые, снарядные. Бывало до 300 пробоин. Когда я прилетал на аэродром, мой самолет либо ремонтировали, либо вообще списывали.

– И Вам не было страшно, когда Вы летели над вражеской территорией, ежеминутно рискуя жизнью?

– Слово «страшно» здесь никак не подходит. Перед тем как получаешь задание, волнение есть. Но это не страх, а скорее чувство приподнятого ожидания. Как только получил задачу, сел в самолет – все. Начинается нормальная работа. Нужно выйти на цель, привести своих ведомых, отштурмовать. Даже когда меня сбили под Гродно, я не ощущал страха, растерянности, голова четко работала. Я сумел дотянуть за линию фронта и сесть на нашей территории.

– И шасси Вы смогли выпустить?

– Какое шасси? На «брюхо» садился. Бросало по всей кабине. У меня и голова разбита была, и грудь, и плечи. Меня из самолета вытащили, привезли на позицию, перевязали, дали стакан водки. Вскоре за мной прилетели наши из полка, и я к своим вернулся. И сразу продолжал летать. За время войны я совершил 222 боевых вылета на штурмовку войск противника и 47 вылетов на разведку.

– Вторую звезду Героя Вы получили за вторые 100 вылетов?

– Да, по сути дела за это.

– Две звездочки дорогого стоят.

– Да, это уж точно. Некоторые шутят: есть герои военные, есть – юбилейные. Так вот я – военный. Сейчас, кстати, я остался единственным и дважды Героем, и маршалом в России.

С мамой

– Как Вы встретили окончание войны?

– Победу я встречал под Берлином. Аэродром назывался «Петерсдорф» под Темплином. Последний мой боевой вылет был 5 мая 1945 года. Рейхстаг мы уже взяли, Берлин – тоже, и наши летчики летали на север, на Балтику и там уничтожали корабли и бомбили окруженную в районе Сви-немюнде группировку противника.

– А что было 9 мая?

– 8 мая, утром, мы, как всегда, собрались на боевое задание. Война-то еще продолжалась. Подъезжаем к аэродрому, слышим, идет стрельба. Из пушек, из зениток, из пистолетов. Мы не поймем: что такое, нападение немцев? Подъехали ближе, видим, пилотки летают, все ликуют. Тут уж и мы догадались. Кричим: «Победа!», «Победа!»... А самолеты у нас стояли так: стоянка штурмовиков, а напротив –

стоянка истребителей. И все стреляли друг на друга. Но, поскольку пушки били «с превышением», никого не подстрелили.

– Как складывалась Ваша жизнь после 1945 года?

– Войну я начинал в чине младшего лейтенанта, а окончил капитаном. Решил остаться в армии. Поэтому в 1946 году я поехал учиться в Военно-Воздушную академию. Окончил ее в 1951 году. Попал в Закавказье. Командовал 167-м гвардейским штурмовым полком. Затем меня назначили заместителем командира дивизии. В 1955 году я был направлен в Москву в академию Генерального штаба. После ее окончания, в 1957 году, стал командиром дивизии. Служил сначала под Ригой, потом в Калининградской области. Затем стал первым заместителем командующего 30-й Воздушной армии, потом командовал 14-й Воздушной армией во Львове. Это Прикарпатский военный округ. В 1969 году меня назначили первым заместителем главнокомандующего Военно-Воздушными Силами СССР. В 1984 году – главком ВВС, заместитель министра обороны. В 1990 году – председатель государственной комиссии по использованию воздушного пространства и управления воздушным движением при Совете Министров СССР.

– Чем Вы в этой комиссии занимались?

– Отвечал за использование воздушного пространства и военными, и гражданскими самолетами. В 1993 году я ушел в отставку. Тогда-то мне и предложили принять Международный Благотворительный общественный фонд «Победа-1945 год». С тех пор я тут и работаю.

– Расскажите о Вашем фонде.

– Наш фонд – чисто благотворительный. Его цель – патриотическое воспитание молодежи, осмысление роли вклада нашего народа в победу во Второй мировой войне. Для этого мы издаем воспоминания наших ветеранов.

– А надо ли это понимать нашим детям?

– Надо. Потому что молодежь, которая не прошла ни Чечню, ни хотя бы военную службу, имеет другой менталитет, другую психологию. Ведь мужчина испокон веков был воином. В довоенные годы мы так рвались в армию! Если парень не служил, он считался неполноценным. А сейчас, наоборот, поощряют тех, кто от армии «косит». Да, конечно, виной тому и дедовщина, и другие негативные моменты, но в целом армия благотворно влияет на молодое поколение. На мужской организм. Там же и тяготы, и перегрузки, и физкультура, и кроссы. Где юноша испытает все это? На дискотеке? Из тех ребят, которых я видел в Ростове, даже самые тяжелораненые, без руки, без ноги, никто не сказал, что жалеет, что воевал.

С конструктором Сергеем Владимировичем Илюшиным. 1970-е годы

Ю.А. Гагарин с руководящим составом 14-й Воздушной Армии

Естественно, делаем это безвозмездно. Кроме того, мы помогаем сегодняшним солдатам, а также ветеранам. Так, в прошлом году мы оказали гуманитарную помощь госпиталям на сумму более 10 миллионов рублей. В госпиталь в Ростове для ребят, раненных в Чечне, поставили медикаменты на сумму 200 тысяч рублей.

– Какое впечатление на Вас произвели эти люди?

– Я почувствовал, что они понимают нас, старшее поколение, и понимают, что такое война.

Я был и в Чечне, и в Афганистане, и нигде не встречал уныния.

– Вы были участником Великой Отечественной войны, общались с ветеранами Чечни и Афганистана, скажите, почувствовали ли Вы отличие между этими войнами?

– Конечно. Война 1941–1945 гг. была войной всего народа за свою независимость. Народа, который понимал, что над ним нависла суровая угроза порабощения. И пропаганда очень грамотно это разъясняла. А в Афганистане мы просто выполняли свой интернациональный долг. Да, конечно, хорошо ли, плохо, но

мы это делали в интересах государства. Чечня – это тоже военная кампания в интересах государства. Ведь мы не можем согласиться, чтобы кусок территории России отхватила банда уголовников. Но в Чечне мы вроде бы воюем со своими соотечественниками. В Афганистане – с врагом, но не на своей территории. А тогда, шестьдесят лет назад, мы конкретно защищали свой дом, свою Родину. И это давало совсем другое ощущение.

– Вы – человек занятой. У Вас очень много всяких обязанностей. Но все равно, когда Вам предложили сотрудничать с Независимой организацией «Гражданское общество», Вы с радостью приняли это предложение. Почему Вы это сделали?

– Я считаю, что государство без огромного сплоченного коллектива, называемого гражданским обществом, существовать не может. А это не правительственная, это – общественная организация. Люди, которым дорога гражданская честь, гражданское предназначение. И, когда мне предложили, я с удовольствием согласился принять в этом участие. И я уверен, что поступил правильно. Потому что одно дело – быть представителем государственного учреждения, где есть своя субординация, которая подчиняется своим законам, где есть свои правила игры, свои обязательства, свои условия работы. А в гражданском обществе нет ни начальников, ни подчиненных. Поэтому государственные и общественные организации должны взаимодействовать, но не подчинять друг друга. Гражданское общество не может попасть под чей-то диктат. Оно вырабатывает свои правила, направленные на благо населения. И я это ощутил, когда стал доверенным лицом Владимира Владимировича Путина. Я был тогда на Кубани, на Дону, и там, выступая перед избирателями, я свободно высказывал свою позицию. Мне никто не указывал, как и что нужно говорить и делать.

– А как Вы агитировали за Владимира Владимировича?

– Искренне. Мне всегда импонировал молодой возраст Путина. У него есть огромный ресурс времени. Мне импонирует его линия на укрепление государственности, его поддержка ветеранского движения. Кроме того, Путин прошел хорошую жизненную школу. И это дает мне уверенность, что он профессионально использует свои знания и опыт на главном посту России.

– И как слушатели воспринимали Ваши выступления? Вас, наверное, встречали хлебом-солью?

– Отнюдь. Так, например, в одной из станций я увидел плакат: «Маршал, убирайся вон!».

– Где это было?

– На Северном Дону. Там живет казачество. Народ вольный. С ними просто так «по бумажке» говорить нельзя. Они и освистать могут. И в этой обстановке я провел диалог. Два часа! Говорил безо всяких конспектов, делился своими мыслями, отвечал на вопросы. После моего выступления слушатели обступили меня и все говорили: «Товарищ маршал, почему Вы раньше к нам не приезжали?». И там Путин получил 60 процентов голосов избирателей. Потом неоднократно, уже после выборов президента, я приезжал на Дон и продолжал работать.

– Зачем, ведь выборы уже состоялись?

– Я считаю, что моя роль, как доверенного лица, не кончается выборами. Я должен отслеживать, как идут дела в регионах. Приезжать к людям. Беседовать. Слушать вопросы. Искать откровенные, добросовестные ответы.

– У меня к Вам тоже будет нелицеприятный, но актуальный вопрос. Сейчас все говорят о реформе в армии. От чего, на Ваш взгляд, в армии надо избавляться для ее улучшения?

– Я считаю, что политика государства и президента на сокращение армии – правильная. Нельзя держать под ружьем огромную массу молодого трудоспособного населения, которое, по сути дела, не работает на экономику государства. Многие молодые люди сидят в ларьках, а не трудятся на производстве. А армия должна быть мобильная, небольшая, высоко профессиональная.

– Какое число военнослужащих для Вас кажется оптимальным?

– Примерно один процент от состава населения. И эта армия обязана быть профессиональной. У ее руководства должны стоять хорошо обученные профессионалы. Взять ту же авиацию. Ведь это совершенно уникальный род войск, требующий особых знаний. Поэтому и командовать им способны лишь люди, много лет прослужившие именно в авиации. Пришедшие со стороны вряд ли справятся со спецификой работы.

– Но под словами «профессиональная армия» сегодня понимают армию, формирующуюся добровольно и на контрактной основе.

– Без ребят, служащих по призыву, пока не обойдемся. Контрактники слишком дороги. У нас на это просто нет денег. Другое дело, контрактники и призывники могут служить вместе. Дополняя друг друга.

– Но все-таки от чего армии следует избавляться?

– От ненужных структур. У нас слишком много промежуточных звеньев, идет дублирование функций. Вообще в Вооруженных силах, как и в стране в целом, необходимо

С Михаилом Шолоховым

существенное сокращение чиновничьего аппарата. И лишь поняв это, мы сможем достигнуть необходимых изменений. Сократить бремя расходов. Получить современные и адекватные задачам обороны Вооруженные силы.

– Есть ли у Вас уверенность в том, что это у нас получится?

– Должно получиться. Другого пути сохранения безопасности России нет.

Елена ГРИГОРЬЕВА